

Котляров Д. А.

«Вся земля Казанская» в 1521–1551 гг.

Период 20–40-х гг. XVI в. в истории Казанского ханства представляет несомненный интерес для исследователя, поскольку именно в эти годы государственность с центром в Казани достигла пика в своей эволюции. Одновременно обнаружился ряд неразрешимых социальных противоречий, предопределивших невозможность стабильного самостоятельного развития. Казанское государство, пытаясь сохранить свой суверенитет, лавировало между Крымским ханством и набиравшим мощь Московским государством. Шел процесс интенсивного оформления управленческих структур ханства, этносоциальные группы консолидировано заявляли о своих интересах. Внутриполитическая ситуация в Казани постоянно осложнялась внешним вмешательством. С незначительными перерывами данный отрезок истории Казанского ханства был временем правления крымской династии ханов Гиреев, что обусловило, с одной стороны, существенное влияние выходцев из Крымского ханства на действия политической элиты Казани, координации их действий с политикой других постзолотоордынских юртов, а с другой, вело к росту социальной напряженности. Важную роль в политической жизни ханства играло собрание «всей земли Казанской», отражавшее интересы всех этносоциальных групп Казанского юрта¹.

Оказавшийся на казанском престоле по воле великого князя московского, подтвержденной собранием «всей земли» в 1519 году, малолетний хан Шах-Али не завоевал популярности населения Казанского ханства. Высшая казанская аристократия, выражавшая интересы «всей Казанской земли» в тайне от хана и его сюзерена вела переговоры с крымским ханом о приглашении на казанский стол царевича Сахиб-Гирея. Одновременно с этим крымский хан Мухаммед-Гирей пытался враждебно настроить по отношению к Василию III своего сюзерена — турецкого султана.

В материалах русского посольства к османскому султану в 1521 г. содержится донесение московских агентов в Азове о том, что казанцы «посылали к Крымскому царю просити салтана на царство на Казань»². Летописи содержат лишь краткое сообщение о событиях в Казани весной 1521 г., точной даты источники не дают. По мнению И.И. Смирнова, переворот в Казани произошел в апреле 1521 г.³ Согласно летописям, «тое же весны Казанский сеити и уланы и князи великому князю Василью своя клятвы правду изменили, взяли себе ис

¹ Трепавлов В.В. Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории. Тула, 2010. С.32–33. Подробнее о роли «всей земли Казанской» см.: Котляров Д.А. О становлении «всей земли Казанской» // Исследования по Русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 326–340.

² Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 706.

³ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. М., 1948. Т. 27. С. 38.

Крымцу царевича Сап-Гирея царем в Казань, а Шигалея царя и с царицею выслали ис Казани, а великого князя гостей переграбив, у себе держали»⁴.

Отметим, что в «измене» московскому государю обвиняется не «вся Казанская земля», а только сеиты, уланы и князья, т.е. верхушка казанской светской и духовной аристократии, что, на наш взгляд, указывает на слабость представительных учреждений в Казанском ханстве. Фактически делами государства управляла окружавшая хана группа светской и духовной знати, которая по своей воле могла изгнать неугодного хана и пригласить на престол нового. На данном этапе они сочли для себя более выгодным пригласить хана из Крыма, разорвав тем самым отношения зависимости с Россией. Василий III обвинял казанцев, «Казанскую землю» в том, что они нарушили клятву, данную ему при возведении на престол Шах-Али⁵. Произошла политическая переориентация Казани.

Хан Сахиб-Гирей сразу проявляет агрессивность в отношении Русского государства. 26 мая 1521 г. татары и черемисы разграбили Унженские волости, а 4 июля осадили Унжу⁶. Активные действия нового казанского хана были поддержаны из Крыма. В конце июня 1521 г. крымский хан, внезапно перейдя Оку, нанес удар по русскому войску, располагавшемуся в районе Серпухова и Каширы. Крымцы прорвались в глубинные районы Московской Руси, разграбляя их. 29 июня в осажденном положении оказалась Москва, куда бежало население из разоренных районов. Страну охватила паника.

Продолжение Хронографа 1512 г. указывает, что летом 1521 г. «Сап-Гирей с со всеми казанскими людьми приходил на муромские и мещерские места». Согласно С. Герберштейну, Сахиб-Гирей, выступив одновременно с братом Мухаммед-Гиреем, опустошил Владимир и Нижний Новгород⁷.

Продолжали набеги на восточные окраины Руси казанцы и в 1522 г.⁸

Весной 1523 г. «царь Саип-Гирей в Казани много зла христианству навел и кровь пролил, яко воду и посланника великого князя Василья Юрьевича Поджегина уби»⁹. Это означало открытый разрыв отношений и фактическое объявление войны Казанским ханством Московскому государству. Правительство Василия III начинает подготовку к активным военным действиям. Первым шагом в данном направлении явился поход великокняжеского войска на Суру летом 1523 г. и строительство Васильсурска¹⁰.

Весной следующего 1524 г. был организован новый поход на Казань с целью восстановить зависимость ханства от Русского государства, поскольку агрессивные нападения казанцев на восточные окраины Русского государства не прекращались. 17 октября 1523 г. «приходили татарове под Галич, посады пожгли,

⁴ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 263; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 269; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 37; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 401; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 13.

⁵ Сборник РИО. Т. 95. С. 696.

⁶ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 601–602.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. С. 518; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 173.

⁸ ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. С. 541; ПСРЛ. Т. 6. С. 264; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 203; ПСРЛ. Т. 8. С. 270–271; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 43; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 402–403; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 221–222.

⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 43; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 402.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 44; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 402.

а град Господь сохранил не врежен, и отъидоша»¹¹. Поэтому 12 мая 1524 г. князь отправил под Казань конную и судовую рать, формальным предводителем которой был назначен Шах-Али¹².

Сахиб-Гирей обратился за военной помощью против Москвы к новому крымскому хану Саадат-Гирею. В Крыму снова возникла идея пригрозить Москве конфликтом с Османской империей¹³. Видимо, под угрозой неизбежной войны с Россией, Сахиб-Гирей покидает казанский престол, передав его (по соглашению с казанцами) своему племяннику Сафа-Гирею. Русские летописи упоминают об этом только кратко: «Уведав же злочестивый царь Саип-Гирей Казанской крепкое и грозное великое воинство и с великим срамом побеже из Казани, и казанцы взяша царем в Казань Сафа-Кирея царя, крымского же царевича»¹⁴. Как сообщал С. Герберштейн, посетивший Москву в 1526 году, «Казанский царь Сагиб-Гирей, утрашенный столь ужасными приготовлениями, призвал к себе племянника со стороны брата, царя Тавриды, юношу тринадцати лет, чтобы тот временно стал во главе царства, а сам бежал к турецкому императору молить его о помощи и поддержке. Повинуясь призыву дяди, юноша пустился в путь. Когда он прибыл к Гостиновозеру (Gostinowosero), т. е. острову, который называется Купеческим и расположен среди рукавов Волги недалеко от казанской крепости, его встретили князья (principes) этого царства с пышностью и почетом, ибо в этой свите был и сеид (Seyd), верховный жрец татар. ...Этот сеид тайно симпатизировал Василию и держал его сторону, поэтому он старался захватить юношу и отправить его связанным в Москву, но был в этом уличен, схвачен и всенародно зарезан ножом»¹⁵. Произошла консолидация «всей земли Казанской», всех этносоциальных групп вокруг нового хана перед лицом общей угрозы.

На защиту столицы ханства выступило общеказанское войско: «собравшись князи и мурзы и вся земля Казанская и встретили великого князя воевод за двадцать верст от Казани, от города на Свияге: и бысть им бой.., и на том бою многих князей и мурз и Татар и Черемису и Чювашу избиша, а иных князей и мурз многих живых поимаша». Соединившись с судовой ратью, конное русское войско начало приступ Казани, «и многих татар под градом побилша...». Осознав невозможность противостоять русскому натиску, казанцы «добилша челом великого князя воеводам, да и шерть дали на всей воли государя великого князя»¹⁶.

Постниковский летописец сообщает о том, что 15 ноября 1524 г. к великому князю пришли казанские послы улан Аппай и князь Бахты-Килдей с челобитием «от всей земли Казанской за свою вину и о цари Сафа-Кирее. И государь их пожаловал по их челобитью и по прошенью, а в Казань послал своего посла князя Василья Даниловича Пенкова да диака Офонася Курицина в марте». Ва-

¹¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 541; ПСРЛ. Т. 6. С. 282.

¹² ПСРЛ. Т. 8. С. 270; Т. 13. Ч. 1. С. 44; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 402–403; ПСРЛ. Т. 24. С. 222; Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966. С. 67.

¹³ *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.). Очерки. М., 2004. С. 124–125.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 44; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 403; ПСРЛ. Т. 34. С. 14–15.

¹⁵ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 176–177.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 271; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 44.

силией III по челобитью, поданному послами от «всей земли Казанской» пошел на компромисс, согласившись на правление Сафа-Гирея в Казани при формальном подчинении казанцев великокняжеской воле. Отправленное в марте 1525 г. в Казань посольство передало заявление великого князя о перенесении торгового из Казани в Нижний Новгород. Чтобы не спровоцировать нового похода, казанцы согласились на это условие, несомненно, наносившее сильный удар по экономическим интересам Казанского ханства¹⁷. По всей видимости, это событие определило затягивание казанской стороной подписания мирного договора. В марте 1526 г. прибыли в Москву казанские послы князя Казы и Чура и бакши Тевель. В 1528 г. приехали от Сафа-Гирея новые послы, князя Табай и Дана, и бакши Ибрагим, заявившие, что «в которых делах царь перед великим князем неправ, и царь в тех делах въ всех хочет перед великим князем исправитися и правду дати, и послов своих болших к великому князю посылает». Казанские послы возвратились на родину вместе с великокняжеским послом Андреем Пильемовым, перед которым дали клятву на шертной записи «царь и вся земля Казаньская». Сафа-Гирей направил в Москву князей Мамыша, Курата и Шир-Миргена Чюрачикова. В ответ Василий III послал в Казань князя Ивана Федоровича Палецко-го. Но Палецкий дошел только до Нижнего Новгорода, когда было получено известие о том, что Сафа-Гирей «свою правду и клятву преступил и послу великого князя Андрею Пильмову нечесть и срамоту учинил велику...».

Было принято решение о посылке русской рати под Казань в мае 1530 г. 16 июля начался штурм Казани. Из города выехало татарское войско, усиленное пришедшими на помощь ногайцами во главе со старшим сыном мурзы Мамая и князем Яглычем, а также астраханскими татарами¹⁸. В «Казанском летописце» говорится о том, что Сафа-Гирей тщательно подготовился к предстоящей осаде. Он послал во все казанские улусы с приказом к князьям и мурзам собраться в Казань. «И черемису ближнюю повеле загнати: повеле им делати подле Булака острог — около посаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казанки реки, и около его рвы копати по-за острогу, да в нем седят черемиса с прибыльным войском яко да граду помощ будет и посады от запаления огня целы отстоят». Казань не могла вместить прибывших 30 тыс. ногайцев для размещения войска и был построен острог, примыкавший с двух сторон к городским стенам¹⁹. Собранное в Казани войско выступило из острога навстречу русским.

В разыгравшемся сражении верх, несмотря на упорное сопротивление казанцев, одержали московские полки. Казанцы выслали парламентаров, князя Булата, улана Аппая и князя Табая «бити челом за свою вину». Посланные поклялись отправить посольство в Москву и быть «неотступными» от московского государя и не сажать хана, кроме того, кого им «пожалует» великий князь. Приняв предложения казанцев, воеводы возвратились в Москву.

В конце 1530 г. прибыли казанские послы князь Табай, князь Тевекель и бакши Ибрагим, которые от имени хана, князей и «от всех людей Казанские

¹⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 15. (*Герберштейн С. Записки о Московии. С. 179*).

¹⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 272–273; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 45, 46, 47; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 406; Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 74; Разрядная книга. 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 213–215.

¹⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 19. Стб. 37.

земли» с челобитием к Василию III о снятии опалы с Казанского ханства. Послы просили, чтобы великий князь пожаловал Сафа-Гирея «братом и сыном его себе учинил, а царь хочет быти во государьской воле, и князи и всей земли Казанской люди надею имеют и на тебя, великого государя, как ты, государь, их пожалуешь, а они въ всей твоей государеве воле служить вперед хотят прямо и неотступным быти всею землею Казаньскою до своих животов и их дети». По указанию Василия III, желавшего избежать кровопролития и с русской, и с казанской стороны, были написаны шертные записи, на которых поклялись казанские дипломаты. Была достигнута договоренность о возвращении русских пленных и артиллерии, захваченных казанцами в военных действиях в 1530 г.

Для принятия присяги ханом Сафа-Гиреем, князьями и представителями «всей земли Казанской» в январе 1531 г. был послан боярский сын Иван Васильевич Полев вместе с человеком Сафа-Гирея Баушем. 26 марта с грамотой от Полева из Казани приехал гонец боярский сын Сура Нехаев. Полев писал великому князю, что «царь правды на шертной грамоте не учинил и пищалей ему не дал». С Нехаевым приехал с ханской грамотой его человек Мердень. Сафа-Гирей требовал, чтобы Василий отпустил его послов, которые оставались в Москве в ожидании принятия присяги в Казани, а к нему отправил бы своего «большого» посла, а также вернул пленных казанцев и захваченные русскими татарские пушки и пищали. Только при выполнении всех этих условий хан обещал «правду на записи учинити и Ивана Полева к великому князю отпустить». Через Ф.М. Карпова и дьяка Меньшого-Путягина казанскому послу Табаю было заявлено, что «царь и князи и вся земля Казаньская по вашему челобитью правды не учинили». Табай объяснил это тем, что в Казани получили известие о попытке Василием III новой рати и сообщил, что в столице ханства «людей добрых мало, все люди мелькие, ино земли крепити некому, люди все в розни; а в страховании великом люди шаталися, и наша мысль не имет». Посол от имени всего населения ханства заявил о подчинении воле великого князя, а хана обвинил в измене интересам государства.

Очевидно, хан не согласился с решением, принятым на собрании «всей Казанской земли», но ему пришлось подчиниться воле большинства. Мердень был отправлен им без согласования со «всей землей», поэтому казанский посол предпочел опираться на волю большинства, а не на инструкции, данные лично ханом. Причину того, что хан пошел против интересов большинства населения, Табай видел в том, что «пристали к нему Крымцы да Нагаи да туташние люди лихие». Посол подчеркнул, что «земля» с ним не согласна, ищет великокняжеского жалованья: «Тому ли быти царю на Казани, или иного государя царя пожалует, на Казань пошлет». Послы обратились с челобитием к Василию чтобы он «дал нам Шигалея царя, занже Шигалей царь земли Казанской не грубил ничего... и ныне государь его отпустит х Казани и его накажет, как ему, будучи в Казани, дела его беречь и тамошних людей жаловати...». Казанцы просили отпустить Шах-Али к городу Василию вместе с ними и казанскими пленниками, обещая оттуда послать в Казань от себя грамоту, да «к Черемисе к горней и к луговой и к Арским князям, о государеве жалованье... как было государево жалованье при Магмед-Амине царе, так же и ныне хочет их государь жаловати и беречи землю Казаньскую».

По словам послов, данное предложение всецело было их личной инициа-

тивой и вызвано было их желанием служить не хану, а великому князю. Послы говорили о том, что у них есть родственники и друзья в Казани, также и у плененных казанцев, задержанных в Нижнем Новгороде (речь идет, видимо, о казанских купцах, арестованных в связи с войной 1530 г.) все родственники и друзья в Казани. Это доказывало Василию III, что за послами стоит довольно мощная поддержка и их словам можно доверять. Великий князь отправил в Казань Постника-Головина разведать настроения верхушки казанского руководства — мурзы Качиг-Алея и князя Булата Ширина. Видимо, эти лица поддержали инициативу послов. Хотя летописи об этом молчат, дальнейшие события подтверждают наше предположение.

После совета с Боярской думой Василий III 10 декабря 1531 г. отпустил Шах-Али и казанских послов в Нижний Новгород. 24 декабря туда же был отправлен великокняжеский дьяк Афанасий Курицын «з записми» к Шах-Али и князю Табаю, написанными бакши Ибрагимом, а также с посольскими грамотами к «царевне» Ковгоршад (последней представительнице династии Улуг-Мухаммеда в Казани), князьям и «ко всей земли Казаньской».²⁰ Далее события развивались стремительно. 17 мая 1532 г. в Москву из Казани приехал Постник-Головин, сообщивший о перевороте в Казани, во главе которого встали Ковгоршад, мурза Качиг-Алей и князь Булат Ширин. В результате Сафа-Гирей с приближенными к нему крымцами и ногайцами был выслан из Казани решением «всей земли», а «иных побили, которые царю думали на лихо, раста князя з детьми и Али, Шукурова сына, и иных князей...» Из Казани была выслана и жена Сафа-Гирея, отправленная «в Нагаи» к своему отцу, мурзе Мамаю. 19 мая приехали гонцы из Казани Кулчюра и Форузат с грамотами от принятými на собрании «всей земли», где содержалась просьба отправить на ханский престол не Шах-Али, чьей мести за изгнание с престола казанцы опасались, а его младшего брата — пятнадцатилетнего Джан-Али, владевшего Касимовым. Великий князь ответил согласием, а Шах-Али было приказано вернуться из Нижнего Новгорода в Москву. 29 июня 1532 г. Джан-Али был утвержден на ханском столе в Казани²¹.

Казанское ханство вновь оказалось в сфере политического влияния Московского государства. Новый хан был слишком молод, чтобы оказывать реальное влияние на внутреннюю жизнь казанского государства. От его имени делами управляли «царевна» Ковгоршад, князь Булат Ширин и мурза Качиг-Алей.

Итак, в основе внутривосточного конфликта в Казанском ханстве, вылившегося в смену верховной власти, лежало противоречие между окружавшей Сафа-Гирея кочевой аристократией из Крыма и Ногайской орды, которым ограничение казанского суверенитета со стороны Москвы угрожало потерей преимуществ, связанных с полновластным хозяйничаньем в Казани, и основной массой населения государства, чью волю выражало «собрание всей земли», руководимое местной знатью, стремившейся к мирным отношениям с могущественным западным соседом. Большинство населения было готово ограничить суверенитет Казанского ханства, чтобы обеспечить спокойствие своей страны.

²⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 274–276; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 54–56; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 407–410.

²¹ Там же. Т. 8. С. 276–277; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 56–57; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 410–411; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства// На стыке континентов и цивилизаций... (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996. С. 601–602.

Прямого вмешательства из Москвы, на наш взгляд, в событиях начала 30-х гг. XVI в. не проявилось. Василий III в данном случае предпочел согласовывать свои действия в отношении ханства со мнением «всей Казанской земли», убедившись, что военное давление способно принести лишь кратковременный эффект, а содержать на территории ханства постоянное войско Русское государство пока не имело возможности.

Между Московской Русью и Казанским ханством установились регулярные дипломатические отношения²². Осенью 1532 г. в Казани состоялась процедура массового приведения жителей Казанского ханства к присяге на верность московскому государю и подписания шертных грамот ханом, знатью и «всей землей Казанской»: «И к запишем к шертным князи и люди, которые грамоте умеют, те руки свои приклали, а которые грамоте не умеют, и те печати свои приклали...»²³.

Джан-Али всецело подчинялся воле своего окружения из представителей казанской знати, которому пока было выгодно находиться под покровительством сильного Русского государства, готового на значительные уступки, чтобы удержать Казань в фарватере своей внешней политики.

22 февраля 1533 г. в Москву прибыл казанский посланник князь Агиш «з грамотою от царевны и от князей и от всех людей Казанские земли; а писал царь в грамоте и царевна и князи и вся земля Казанская, чтобы великий государь пожаловал их пищалей у них не велел взятьи ис Казани, занже государеве земле Казаньской друзей много, а недрузи есть же»²⁴. Очевидно, по договору, заключенному с Казанью при возведении Джан-Али, предписывалось передать Русскому государству всю артиллерию, находившуюся в столице ханства, чтобы облегчить взятие города в случае возможного конфликта. «Вся земля Казанская» отстаивала нецелесообразность этого, поскольку имелась реальная угроза кочевых набегов на ханство, а без артиллерии он становился беззащитен. Поэтому Василий III согласился с просьбой казанцев и «пожаловал брата и сына своего Яналея царя и князей и всех людей Казанские земли пищалей ис Казани не велел взятьи». 6 марта Агиш с великокняжеской грамотой выехал из Москвы²⁵.

6 июня 1533 г. из Казани приехали послы улан Аппай, князь Кадыш («Отучев брат»), городецкий князь Кутлу-булат (видимо, из свиты Джан-Али, выехавшей за ним из Касимова в Казань) и бакши Евтек. Послы били челом великому князю от Джан-Али, от правительства казанского государства («от Булата в головах и от Табаа князя и от уланов и от князей и от карачей»), а также от имени «всех Казанские земли людей», прося «ослосвободить и волю дать» Джан-Али жениться на дочери ногайского мурзы Юсуфа, «чтобы земля Казанская в упокое была...». Василий III, исполнив просьбу послов, кроме того, уладил и какие-то казанские «земские дела»²⁶. Это было последнее посольство из Казани в Москву при Василии III. Смерть великого князя и последовавшее длительное

²² ПСРЛ. Т. 8. С. 280; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 65; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 413.

²³ ПСРЛ. Т. 8. С. 281; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 67; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 414–415.

²⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 282; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 68; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 416.

²⁵ Там же.

²⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 282; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 69; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 416.

ослабление центральной власти в Москве нарушили с большим трудом установленное равновесие между ханом — русским ставленником и «землей» в Казани.

Летом 1535 г. Даниил Губин, русский посол в Ногайской Орде, доносил, что мурза Мамай и мурза Юсуф (тесть Джан-Али) «кочюют близко Казани на левовище». Русский посланник сообщал, что Юсуф получил известие от своей дочери Сююн-бике из Казани о том, что «Яналей царь ее не любит». В ответ мурза «послал х казанским князем, чтобы Яналия царя с Казани сослали, а дочь его ему отдали»²⁷.

По лаконичным донесениям Д. Губина можно заключить, что положение Джан-Али на казанском престоле, и без того весьма шаткое, оказалось под угрозой. Он лишился поддержки ногайцев, которую обеспечивал ему брак с дочерью мурзы Юсуфа, заключенный, по всей видимости, по инициативе казанского правительства, стремившегося придать своему номинальному владыке хоть какое-то политическое значение. Когда это не удалось (Джан-Али, как помнится, был еще слишком юн, чтобы действовать только в интересах государства, как этого требовал его сан), руководство Казанского ханства отвернулось от него и начало подготовку к его замене на более подходящую фигуру.

Высшие круги казанского государства решили использовать в своих интересах временное ослабление мощи Русского государства в начавшемся междуцарствии и разорвать установленные в конце правления Василия III зависимые отношения к Москве, переориентировав Казань на более сильный в данный момент, по их расчетам, Крым.

Осенью 1535 г. в Казани произошел политический переворот. 4 октября в Москву приехал из Казани Федко Тимофеев сын Девочкина, новгородец, посланный ранее к хану с Федором Беззубцевым, умершим в Казани 6 июля 1534 г.²⁸, «а сказал великому князю и его матери великой княгине, что Ковгоршад-царевна и Булат-князь в головах и все уланы и князи и вся земли Казаньскаа великому князю изменили, Яналея царя, которово им князь великий Василий Иванович всея Руси дал им на Казань царем, и князи Казаньские, выпустив его ис Казани, на Ички-Казани велели его убить, месяца Септевриа 25, в субботу перед Покровом святей Богородицы, а на Казань взяли из Крыма Сафа-Киреа царевича на царство». 7 октября в Москву из Ногайской орды прибыли служилые татары «Янбулат с товарищами», которые сообщили, что, когда 31 сентября они переправились через Волгу, к ним «приплыли в трех струзах ватажщики Нижновагорода Иванко Кашин, да Федко Черемшищиков, да Богданко полоняник серебряной манстер, и всех их тринацать человек. А сказывает, Государь, Богданко, что в Казани Яналея царя убили, и на Казань взяли царя ис Крыму Сафа-кирея, и при Сафакирее цари сказывает был в Казани два дни, как Сафакирей в Казань приехал, а к нам, Государь, сказывает из Казани приплыл на шестой

²⁷ Продолжение древней Российской вивлиофики (далее — ПДРВ). Ч. 7. СПб., 1791. С. 287.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 83; ПСРЛ. Т. 20. С. 424; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 13, 128. — Отметим, что летописи не сообщают об отправке нового посла в Казань до переворота осени 1535 г. Московское правительство на время упустило контроль за ситуацией в Казани, занявшись отношениями с Литвой и Крымом. Это, по нашему мнению, способствовало внезапности для Москвы казанских событий осени 1535 г.

день, а те, Государь, Иванко, да Федко, сказывают, к нам прибежали переграблены, а товарыщев их переимали»²⁹.

Русское правительство, встревоженное этим известием, от имени Ивана IV отправляет в Казань к царевне «ко князем з грамотою» великокняжеского сына боярского «младшаго Данилка Смагина сына Деглина да Татарина Казаньскаго Бичилеа взяв у Довлечара князя у Казаньскаго гонца»³⁰. 25 октября приехали 100 городецких татар во главе Евгастеем Итяковым с Волги. По их словам, «Казаньские князи Шабаз-князь Япанчин да брат его Шабалат да Карамыш з братом своим со Евлушем, Хурсуловы братия, и с ними князей и мурз и казаков 60 человек ис Казани вышли, и к ним на остров и из судов выходили, и стояли и говорили, а приказали с ними к великому государю: «Ковгоршад-царевна и Булат-князь в головах и все уланы и князи великому князю изменили и Яналея царя убили, а на Казань взяли царем из Крыма Сафа-Киреа царевича, а нас в заговоре Казанцов князей и мурз с пятьсот человек, и мы, памятуючи к себе жалование отца его великого князя Василиа Ивановича и его жалования великаго государя Ивана Васильевича да и свою правду, на чем есмя ему шертъ дали, и мы хотим государю служить великому князю прямо и государь бы нас пожаловал Шигалею бы царю гнев свой отложил и к себе бы ему велел на Москву быти; и коли будет Шигалей у великого государя на Москве, и мы съвкупимся съ своими съветники, кои в Казани, и тому царю Крымскому в Казани не быти»³¹. Переворот возглавила верхушка казанской знати во главе с Ковгоршад и князем Булатом Ширином. Санкция совета «всей земли Казанской» на свержение Джан-Али не была получена, о чем говорят слова эмигрантов из Казани, что заодно с ними 500 князей и мурз. Можно предположить, что они и составили собрание «всей земли», поскольку в рассказе казанцев об измене великому князю и убийстве Джан-Али не упоминается «вся земля Казанская», изменили только «Ковгоршад царевна и Булат-князь в головах и все уланы и князи». Правящая элита Казанского ханства, добившись временной независимости от своего западного соседа, могла опереться только на силы далекого Крымского ханства. Ногайские мурзы заняли дружественную позицию по отношению к России, торговля с которой давала им значительные выгоды, объявив, что «Казанской царь нам извечной недруг, а твоя (т.е. великого князя — Д.К.) нам дружба гораздо сходится»³².

28 ноября 1535 г. из Казани вернулся Д. Смагин с грамотами от хана и казанских князей, «а сказал великому князю и его матери, что царицы Сафа-Киреева царевна, а Мамаева дочь, из Нагаи в Казань приехала, а ездил по нее Табаи князь; да с нею Табаи князь не приехал в Казань, а того ведома нет, где ся дел»³³. Сафа-Гирей чувствовал непрочность своего положения и, видимо, пытался наладить мирные отношения с Русским государством, отправив «грамоты» великому князю. Неустойчивое положение центральной власти в казанском гос-

²⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 100; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 432–433.

³⁰ ПДРВ. Ч. 7. С. 318–319. Подтверждалась дата переворота, сообщенная Девочкиным — 25 сентября.

³¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 100; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 433.

³² ПСРЛ. Т. 13. С. 100–101; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 433.

³³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 105; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 435; ПСРЛ. Т. 29. С. 23.

ударстве доказывает донесенное летописью известие о бегстве в Ногайскую орду одного из политических лидеров ханства — князя Табая.

Московское правительство, решившись на разрыв отношений с ханством, вероломно нарушившим условия мира с Россией, не имело возможности осуществить крупную военно-политическую акцию против Казани и ограничилось посылкой небольшой рати во главе с воеводами князем Семеном Гундоровым и Василием Замыцким в декабре 1535 г. «Казанских мест воевати»³⁴.

«Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» содержит идеологическое обоснование предпринимаемой акции (которое, однако, не было достаточно подкреплено в военном отношении). Походу придавалось значение кары «за их измену и клятвopеступление, еже дав свои правды и шертные грамоты великому государю Ивану Васильевичю Ковгоршад-царевна и Булат-князь в головах и все уланы и князи и вся земля Казаньская.., — они же злии и сквернии варвари, ни Бога боящася, ни клятв стыдящася, но безумие одинако их безъверных: которово был царя отец его князь великий Василий Иванович пожаловал их по их же челобитию, того же и безъстуднии варвари без великого князя тайно в Крым послав, Сафа-Киреа царевича на Казань взяли царем; а Яналеа царя убили...»³⁵.

От Мещеры воеводы двинулись к Суре, по пути напав на след идущих набегом «на Нижегородские места» казанцев. Очевидно, узнав о посылке русского войска, в Казани решили нанести упреждающий удар по восточным окраинам Руси. 6 января 1536 г., «приходили Казаньские Татарове многие люди на Балахну, безвестно пришед, двory зажгли, и черные люди Балахонци, събрався, на них вышли, и по грехом вскоре, а не умеючи въиньского дела, и Татарове множество христиан побили». И на этот раз татары ушли от преследования без всякого ущерба³⁶. Тогда же, в январе, сильный отряд казанцев пришел в Нижегородчину. Против них выступили муромские и нижегородские воеводы во главе с князем Федором Михайловичем Мстиславским. В происшедшей стычке было убито 50 загонщиков татар. Воеводы дошли до казанского становища, устроенного под Лысковым, «и того ради с Татары дела не делали боевого, что ночь пришла; и ночи тое Казаньские люди побежали, а воеводы себе дрогнули, воротилися в Новгород, а Муромские в Муром, вскоре того же дни и в Нижней пришли»³⁷.

Несмотря на враждебные отношения Московского государства с Казанским ханством, мирные контакты между людьми, населявшими оба государства не прерывались. Так, в летописи сохранилось известие о челобитии, поданном князю Ивану Федоровичу Телепневу Оболенскому задержанным в связи с началом военных действий казанским гонцом Девлечаром, с просьбой послать своего человека в Казань. С разрешения правительства Девлечар отправил посланника через Темников в Казань³⁸.

³⁴ Там же.

³⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 105–106; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 435–436; ПСРЛ. Т. 29. С. 23–24.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 106–107; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 436; Т. 29. С. 24.

³⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 107; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 436; ПСРЛ. Т. 29. С. 24.

³⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 112; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 439; ПСРЛ. Т. 29. С. 26.

Москва пыталась удерживать под своим контролем внешние сношения Казанского ханства, используя мобильные отряды служилых татар для захвата гонцов, посланных в Казань и идущих из Казани «во иные орды»³⁹.

Летом 1536 г. множество татар пришло в костромские и галицкие земли. Против них были отправлены воеводы Михаил Сабуров и князь Петр Васильевич Засекин, «и воеводы сошлись с Казанцы на Куси речке, а Казанские люди многие... людей великого князя побили и по грехом князя Петра Пестрого да Меншика Полева убили, и многих детей боярских побили»⁴⁰.

В январе 1537 г. в Москве получили известие о том, «что събирается Казанский царь Сафа Кирей со многими люди Казанцы и со иными ордами, с Крымцы, с Ногаи, а помышляет итти на Костромские места и на Галичские»⁴¹. Русское правительство послало воевод во Владимир и в Мещеру. Сафа-Гирей, узнав, что в Костроме и Галиче находятся большие отряды русских, «он же злый и лукавый, якоже змий вынурну из хвастиа, тако и се из леса прииде безвестно генваря 15, в понедельник, под Муром, и пришед посады пожег, и к городу приступати начат». Муромские воеводы отбили осаждавших с помощью пушек и пищалей, нанося урон неприятелю смелыми вылазками из города. Получив известие о том, что к Мурому по приказанию правительства двинулись полки из Мещеры и Владимира, казанский хан «пошел въскоре от Мурома в Казань, и поплениша многих христиан грех ради наших»⁴².

Посредником в урегулировании отношений Казани и Москвы выступил крымский хан Сахиб-Гирей, дядя казанского хана Сафа-Гирея. Видимо, осведомленный о военных приготовлениях Руси против Казанского ханства, правитель Крыма требовал заключения Москвой мира с Сафа-Гиреем, угрожая в противном случае разорвать дружественные отношения, что фактически являлось ультиматумом, неисполнение которого угрожало войной с Крымом, к чему Россия не была готова⁴³.

Разрядные книги сообщают о том, что в сентябре 1537 г. «князь великий Иван Васильевич всеа Руси и мати его великая княгини Елена приговорили воевод на весну в судах послати х Казани да и в конной рати воевод. И тот поход х Казани не был, потому что царь Сафа-Кирей прислал к великому князю своево человека Усеина о миру»⁴⁴.

Последовавшие бесплодные переговоры московского правительства с Казанским ханством вызвали справедливую гневную сентенцию летописца, создававшего свой труд уже по завоеванию Казани: «...а все присылал царь Казанской, увидев за грех за наш нестроение на Москве, и воеводам Казанцы в те годы по украином государя нашего, никым възбраняеми, и много христьянства погубиша и грады пусты сътвориша». Далее давался перечень городов, подвергнутых казанскому разорению в малолетство Ивана IV: «А воевали Казанцы грады и пусты сътворили: Новьград-Нижней, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, поло-

³⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 113; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 439–440; ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 114; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 440; ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 115; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 441–442; ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

⁴² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 115; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 442.

⁴³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 122; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 29. С. 31–32.

⁴⁴ Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 93; Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 271.

вину Володимеря, Шую, Юрьев Вольской, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многия лета, донележе Бог государем нашим избави от них»⁴⁵. Сафа-Гирей вовсе не стремился к заключению мира с Москвой, который не мог быть равноправным. Русское правительство апеллировало к устойчивой (с Ивана III) традиции московского протектората над территорией Казанского ханства, с этим хан не желал мириться, всеми средствами затягивая переговорный процесс и не давая в то же время повода для военного вторжения Русского государства на земли булгаро-татар.

Казанский хан пытался заручиться поддержкой ногайских мурз в борьбе с Московским государством. Правители же Ногайской орды, заинтересованные в торговле и союзнических отношениях с Россией, исправно поставляли информацию великокняжескому двору о своих отношениях с Казанью, желая продемонстрировать свою дружественную позицию⁴⁶.

2 ноября 1539 г. из Казани приехал Неклюд Девочкин вместе с «человеком» Сафа-Гирея Хозяшем, привезшим грамоту от хана. Сафа-Гирей отказывался отправить в Москву своих «болших послов» из-за якобы дошедших до Казани слухов (источником их, по указанию летописца, был неоднократно бывавший при великокняжеском дворе с дипломатическими миссиями князь Хуссейн) о том, «что хочет князь великий послати людей своих под Казань»⁴⁷.

Ведя переговоры о мире, казанский хан не прекращал грабительских набегов на русские окраины. 18 декабря того же 1539 г. «приходил под Муром Казаньский царь Сафа-Кирей съ многими людьми Казаньскими и Крымскими и с Ногайскими пришел безвестно под город, стоял два дни, а людей многих поропустил около города сел вьевати»⁴⁸. По всей видимости под начальством Сафа-Гирея воевала лишь незначительная часть ногайцев, с которыми хан был связан родственными узами: его супругой стала дочь мирзы Юсуфа Сююн-бике, бывшая до того женой Джан-Али⁴⁹.

Весной 1540 г. произошел еще один набег из Казани на русские окраины, «приходили казанские люди Чюра Нарыков, а с ним 8000 человек казанских черемиских людей на костромские места, а воевати у Пятницы на Солочи»⁵⁰. На преследование грабителей были отправлены владимирские воеводы во главе с князьями Андреем Ивановичем Холмским и Александром Борисовичем Горбатым⁵¹.

Весной 1541 г. политическая ситуация внутри Казанского ханства начала меняться. Непосредственную роль в этом сыграла влиятельная казанская вершуха во главе с князем Булатом Ширином, осмелившаяся заявить о несогласии

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 129; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 451; ПСРЛ. Т. 29. С. 35.

⁴⁶ *Кидьрнязов Д.С.* Материалы «Продолжения древней Российской вивлиофики» о русско-ногайских отношениях в XVI веке // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. Материалы региональной конференции. Махачкала, 1994. С. 111–115.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 130; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 452; ПСРЛ. Т. 29. С. 36.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 135; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 455; ПСРЛ. Т. 29. С. 38.

⁴⁹ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 607.

⁵⁰ Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 284.

⁵¹ Там же.

«земли» с ханом Сафа-Гиреем и желанием сменить его. В мае 1541 г. в Москву пришло казанское посольство из пяти человек во главе с Чабыкеем, уполномоченное «в головах Булатом князем и всей землей Казанской». Послы просили, «чтобы им государь князь великий вины отдал, а послал бы к ним введов своих с людьми, а мы тем великому князю послужим, царя убьем или имем да введовам дадим; а от царя ныне Казаньским людям велми тяжко у многих князей ясаки поотымал да Крымцом, подавал, а земским людям великаа продажа, копит казну, да в Крым отсылает»⁵².

Фактически, предложенное по инициативе Булата Ширина сепаратное соглашение с Москвой означало восстановление русского протектората над Казанским ханством, — то, чего московское правительство не смогло добиться от Сафа-Гирея. В Казань была отправлена весть о том, что великий князь «простил все вины» князю Булату и «всей земле» и посылает к ним своих воевод. На «казанское дело» были отправлены дворовые и городовые люди из 17 городов во главе с князем Иваном Васильевичем Шуйским. Судовое и конное войско 5 июня 1541 г. сконцентрировалось во Владимире с тем, чтобы «по казанским вестям» выступить в Нижний Новгород. Однако, поход был отложен, «потому что к берегу пришел Крымской царь, и они все пошли к берегу»⁵³.

Хотя нашествие крымского хана летом 1541 г. было успешно отбито, планируемый поход русских войск на Казань не состоялся. В Казани чутко реагировали на политические события в русской столице, что, по-видимому, отражало реалистическую оценку руководством ханства ближайших перспектив отношений с Московским государством. Поэтому, отказавшись от плана поддержанного Россией переворота в Казани, высшая аристократия ханства договаривается с Сафа-Гиреем и обращается к московскому правительству с предложением о заключении мира, уверенное, что к активным военным действиям, раздираемое внутренними распрями, Русское государство в данный момент не способно. Поэтому в марте 1542 г. «царевна» Ковгоршад прислала в Москву грамоту, в которой просила, «чтобы князь великий с царем похотел миру»⁵⁴.

В июне этого же года вместе с великокняжеским посланником Истомой Мартыновым из Казани от Сафа-Гирея приехал Исенкилдей с ханской грамотой о мире. 14 июля Исенкилдей был отпущен в Казань в сопровождении Никиты Чуватова, везшего грамоту с согласием Ивана IV на заключение мира с Казанью и просьбой о присылке «болших послов добрых людей»⁵⁵. 3 ноября Н. Чуватов вернулся из Казани вместе с ханским послом Барашем. Сафа-Гирей опять просил мира, не делая никаких практических шагов в этом направлении, ожидая, что первым на уступки пойдет московское руководство. Русское правительство не могло согласиться с позицией казанского хана, требуя от него посылки «по-

⁵² ПСРЛ. Т. 8. С. 295; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 99.

⁵³ ПСРЛ. Т. 8. С. 295, 298; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 99–100, 105; Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 294.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 142; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 460; ПСРЛ. Т. 29. С. 42. — С подобной же просьбой, адресованной, правда, Д. Ф. Бельскому (видимо, в Казани еще не знали о происшедшей в январе 1542 г. смене руководства в Москве) обратился и князь Булат Ширин (Там же).

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 142; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 461; ПСРЛ. Т. 29. С. 43.

слов добрых людей»⁵⁶. Переговоры, по всей видимости, зашли в тупик и после ноября 1542 г. до весны 1545 г. летописи не сохранили каких-либо известий о московско-казанских отношениях.

Беспрепятственное разграбление подвластных Казанскому ханству земель вплоть до окрестностей Казани во время русского похода весной 1545 г. вызвало смуту в его политическом руководстве: «И оттоле начаша рознь быти в Казани: царь почал на князей неверку дръжати: «вы деи приводили въевод великого князя», и учал их убивати; и они поехали многие ис Казани к великому князю, а иные по иным землям».⁵⁷ Изменилась расстановка лиц в рядах высшей аристократии ханства, понесшей урон в результате репрессий Сафа-Гирея. Сходят с политической сцены Ковгоршад и князь Булат-Ширин. Падение коалиционного правительства, примирявшего в течение 15 лет интересы противоборствующих политических группировок, и поворот казанской политики в сторону Крыма стали роковыми для Сафа-Гирея. Репрессии против высшей аристократии не спасли положение, а, напротив, доставили победу уже, казалось бы, сломленной оппозиции⁵⁸.

В январе 1546 г. Иван IV получил весть о том, что «казанцы Сафа-Кирея царя с Казани съслали, а Крымских людей многих побили». 13 июня 1546 г. по просьбе «всей земли» на казанский престол был снова возведен Шах-Али⁵⁹. В рядах казанской высшей аристократии, судя по всему, не было единства. Часть ее, недовольная восстановлением зависимости от Русского государства, тайно поддерживала отношения с изгнанным Сафа-Гиреем, готовя свержение Шах-Али⁶⁰. Заговорщики хотели выдать Шах-Али Сафа-Гирею, но тому удалось бежать из Казани.

У власти в Казани оказалась антимосковская политическая группировка, что вызвало массовый отъезд сторонников союза с великим князем, зависимости от России. Остававшиеся в Казани представители оппозиции хану были казнены. По летописному сообщению, 20 сентября 1546 г. «приехали из Казани к великому князю служить князи Казаньские Кулушь-князь, Тереул, Бурнашь да Чюрины братиа Нарыкова, 76 человек; а иных царь в Казани побил, Чюру-князя Нарыкова, Баубека-князя, Кадыша-князя и иных многих побил и стал владети Казанью с Крымскими князьями»⁶¹.

6 декабря с челобитием к Ивану IV обратились отправленные горными черемисами «Тугай с товарищи», просившие послать войско на Казань и за-

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 144; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 463; ПСРЛ. Т. 29. С. 44.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46.

⁵⁸ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 606. — Мы не согласны с М. Г. Худяковым в том, что русский поход 1545 г. был вызван выступлением оппозиции и предполагал поддержку готовящегося переворота. Слишком длительный срок (4 года) прошел после присылки казанских послов с подобным предложением. Русское правительство не могло не учитывать происшедших за это время перемен в соотношении политических сил в Казани, что отражалось отсутствием повторных предложений после мая 1541 г. поддержать свержение Сафа-Гирея. (Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 605.)

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 148; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 466; ПСРЛ. Т. 29. С. 48.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 148–149; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 467; ПСРЛ. Т. 29. С. 48.

явившие о готовности служить великому князю⁶². Сходство заявлений князей-эмигрантов и посланцев горных марийцев убеждает в наличии между ними тесной связи. В ответ на челобитье великий князь послал в феврале 1547 г. войско под руководством князя Александра Борисовича Горбатого.

Весной 1549 г. в Москве было получено известие о внезапной смерти Сафа-Гирея: «Того же месяца марта 25 прииде весть царю великому князю, что в Казани царь Казанский Сафа-Кирей умер, убится в своих хоромех»⁶³. На престоле временно был посажен по соглашению между собранием «всей земли Казанской» («Казанцами» в летописном сообщении) и окружением покойного хана («Крымцами») двухлетний Утямыш-Гирей, сын Сафа-Гирея от Сююн-бике. Одновременно в Крым были отправлены послы «просити помочи и сверстного царя».⁶⁴ Помимо Утямыш-Гирея у умершего хана было трое взрослых сыновей, двое из них — Мубарек и Булюк — жили в Крыму, а третий — сын русской пленницы — не обладал правами на престол⁶⁵. Фактическое отсутствие хана в Казани вызвало острые разногласия в рядах высшей аристократии ханства, накалялись противоречия и между правящей верхушкой общества и основной массой населения столицы ханства (периферия государства, если судить по источникам, пока оставалась безучастной к политическим баталиям в центре)⁶⁶. В Казанском ханстве разразился политический кризис, разрешить который могло лишь вмешательство извне. Ближе всех было расположено, а следовательно, обладало всеми преимуществами на овладение политической ситуацией в Среднем Поволжье, Русское государство. Попытка казанцев получить помощь из Крыма не принесла результатов⁶⁷.

В нормализации обстановки внутри Казанского ханства был кровно заинтересован ногайский князь Юсуф. Ведь Утямыш-Гирей приходился ему внуком, сыном его дочери Сююн-бике. В июле 1549 г. Юсуф предлагал Ивану IV возвести на ханский престол в Казани Шах-Али, выдав за него дочь, что, как считал князь, будет выгодно и русским, и ногайцам. Ногайский князь советовал русскому царю отправить Шах-Али в Казань вместе с аристократами-эмигрантами, перешедшими на сторону Москвы, а также «сколько ни будет Чюваши и Черемисы и Рзян и Мордвы; всех бы еси с Шигалеем царем х Казани послал»⁶⁸.

Русское правительство между тем самостоятельно разрабатывало план решающего наступления на Казань с целью полного ее политического подчинения, стремясь организовать поддержку своего ставленника на казанском столе Шах-Али казанскими князьями и мурзами, преданно служащими московскому

⁶² Там же. — Разрядные книги содержат известия, которые отличаются от летописных: с челобитием был отправлен черемисский сотник Атачик «с товарищи», обещавший встретить русских воевод за городом Василем, и идти с ними к Казани (Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 110; Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 330).

⁶³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 157; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 475; ПСРЛ. Т. 29. С. 56.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 614.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 56.

⁶⁷ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 420–422.

⁶⁸ ПДРВ. Ч. 8. СПб., 1793. С. 144–145.

государю. Начиная с осени 1549 г., царь и его окружение все усилия употребляют для осуществления этого плана, детали которого уточняются ходом событий⁶⁹.

Сооружение крепости Свияжск в Горной стороне в 1551 г., довольно густо заселенной марийцами и чувашами, вызвало приход от них делегаций с челобитием, на имя царя, «а велел бы им быти у Свияжского города и воевати их не велел»⁷⁰. Вскоре в Свияжск к Шах-Али (вспомним, что еще ранее горные марийцы и чувашаи желали видеть его ханом в Казани) была прислана делегация, представляющая интересы всей Горной стороны («...князей и мырз, сотных князей и десятных и Чювашей и Черемисы и казаков»), с просьбой отправить посольство к царю. Очевидно, решение об этом было принято на экстренно созванном собрании всей Горной стороны, представительство на котором формировалось по тому же (к сожалению, неизвестному по источникам) принципу, что и на аналогичном собрании в Казани.

Население Горной стороны заявило своих собственных, отличных от казанских, интересах, что указывает на довольно высокий уровень политического сознания. Иван IV освободил население Горной стороны от ясака на три года и передал послам свою жалованную грамоту «со златою печатью», которая не сохранилась. Послы были одарены «великим жалованием, шубами и денгами»⁷¹. «Горные люди» были приведены к клятве на верную службу московскому царю, обещали быть «неотступными» от Свияжска, освободить всех русских пленников. «Черные люди» обязывались платить дани и оброки, «как их государь пожалует и как прежним царем платили». Вернувшись в Свияжск, воеводы в течение всего лета 1551 г. отправляли большие (500–600 человек в каждой) делегации горных людей «очей его видети царьских и жалование от него слышати за службу». Для них организовывались пиры князьями и мурзами, жаловались шубы с бархатом и золотом, а «иным Чюваше и Черемисе комчаты и отласные, а молодым однарядки и сукна и шубы бельи...» Все пришедшие в Москву были одарены доспехами, конями и деньгами⁷². Такая политика привлекала на сторону Российского государства нетатарское население Горной стороны и являлась стимулом преданной службы московскому царю.

Массовый переход горных марийцев и чувашей на сторону русских, блокада путей из ханства московскими войсками породили мощный всплеск политических разногласий в центре государства. Жители Казани выступили против крымцев, составлявших ближайшее окружение малолетнего хана. Из Арской земли в столицу пришли «з боем на Крымцов» арские чуваша (по всей видимости, связанные с чувашами Горной стороны), требуя обратиться с челобитием к Ивану IV. Возглавлявшему крымцев улану Кошаку «с товарищи» удалось пере-

⁶⁹ Можно проследить перемену политических настроений в верхах Московского государства летом 1549 г. 6 июля в Москву прибыл казанский посол Бакшанда с предложением мира; царь в ответной грамоте писал, что «похочет миру» и просил прислать «добрых людей» (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 157; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 475; ПСРЛ. Т. 29. С. 56). А уже в августе царь казанским аристократам, нашедшим приют у ногайцев, излагает план покорения ханства.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 164; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 481; ПСРЛ. Т. 29. С. 61, 161.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 164–165; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 481; ПСРЛ. Т. 29. С. 62, 161.

⁷² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 165–166; Т. 20. Ч. 2. С. 482; Т. 29. С. 63, 162.

бить мятежников. Многие князья и мурзы отъезжали в Москву, откуда русское правительство направляло их в Свияжск, веля «их тут устраивати». Осознав, что почва уходит из-под ног, что они лишились поддержки среди населения ханства, 300 знатных крымцев, разграбив все, что можно, бросив жен и детей, бежали к Вятке. Здесь их перебили вятчане и казаки, стоявшие в сторожах. В плен попало 46 человек, во главе с уланами Коцаком и Барболсуном, багатуром князем Торчи, и мурзой Ишмухамметом. Их привезли в Москву и казнили по приказу царя.

Лишившись фактического правительства (Утямыш-Гирей был лишь номинальным ханом), казанцы обратились с челобитием к Шах-Али и свияжским воеводам, предлагая возвести Шах-Али на престол, а Утямыш-Гирея с матерью вывезти в Москву. С посольством в Москву были отправлены мурза Енбарс Рас-тов от казанцев и боярский сын Яков Губин из Свияжска. Ивану IV была подана челобитная, утвержденная на собрании «всей земли Казанской». Летопись раскрывает состав этого форума: «...Кудайгул-улан и головах да Муралей-князь и вся земля Казаньская, моллы и сеиты и шихы и шихзады и молзады, имамы, азии, афазы, князи и уланы и мырзы и ички, дворные и задворные казаки и Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары...». Исходя из этого перечня, можно заключить, что «вся земля Казаньская» включала представителей всех сословных и этнических групп Казанского ханства.

Казанцы предложили царю посадить на престол в Казани Шах-Али, обещая освободить русских пленников, если Иван IV прикажет не пленить казанцев, соглашались выдать оставшихся крымцев и их детей. Царь согласился с условиями, изложенными в челобитной, и велел казанским князьям привести пленников на устье Казанки, а оставшихся освободить по воцарении Шах-Али. Правление Гиреев в Казани закончилось сильнейшим политическим кризисом, приведшим, в конце концов, к ликвидации ханской власти и самого государства с центром в Казани.

В рассмотренный период истории Казанского ханства произошло окончательное оформление представлявшего интересы всех этносоциальных групп собрания «всей земли Казанской» как высшего органа власти в Казани, необходимого элемента государственности наряду с ханской властью, который в ряде случаев принимал решения, отличавшиеся от воли хана. Консолидированная воля «всей земли» влияла на ханскую власть, подавить ее хану Сафа-Гирею удалось только жесткими репрессивными мерами, серьезно ослабившими Казанское государство. После смерти Сафа-Гирея именно «земля», «казанцы» до конца стремились сохранить самостоятельность своего юрта, отказавшись подчиниться воле московского государя.

Источники и литература:

1. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
2. *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер.пол. XVI вв.) Очерки. М., 2004.
3. *Кидьрнязов Д.С.* Материалы «Продолжения древней Российской вивлиофики» о русско-ногайских отношениях в XVI веке// Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. Материалы региональной конференции. Махачкала, 1994.

4. *Котляров Д.А.* О становлении «всей земли Казанской»// Исследования по Русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 326–340.
5. *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве. СПб., 1905.
6. Продолжение древней Российской вивлиофики. Ч. 7. СПб., 1791.
7. Продолжение древней Российской вивлиофики. Ч. 8. СПб., 1793.
8. ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4.
9. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.
10. ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8.
11. ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1.
12. ПСРЛ. М., 2000. Т. 19.
13. ПСРЛ. СПб., 1910–1914. Т. 20. Ч. 1–2.
14. ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22.
15. ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.
16. ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.
17. Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966.
18. Разрядная книга. 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2.
19. Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895.
20. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
21. *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. М., 1948. Т. 27.
22. *Трепавлов В.В.* Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории. Тула, 2010.
23. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства// На стыке континентов и цивилизаций... (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.